

Даниил Готтлиб Мессершмидт: начало пути

Вряд ли Даниил Готтлиб Мессершмидт нуждается в особом представлении. Его имя хорошо известно всем тем, кто занимается историей России первой половины XVIII в., историей науки, историей Сибири. Результаты исследовательской и собирательской деятельности Д. Г. Мессершмидта с 1720 по 1726 г. продолжают изучаться до сегодняшнего дня. Из всего научного наследия ученого издана лишь часть его дневниковых записей с марта 1721 г. по апрель 1726 г. – в Берлине (Messerschmidt, 1962—1977), и дневник с 21 по 31 декабря 1726 г. – в Ижевске (Напольских, 2001). Большие тома исследований и наблюдений Д. Г. Мессершмидта используются ботаниками, зоологами, лингвистами, этнографами, археологами, но так и остаются неизданными. Не опубликованы и аккуратно собранные им самим многочисленные «репорты» ученого, переписка. А именно они позволяют ответить на вопрос, что же подвигло доктора Д. Г. Мессершмидта отправиться из родного Данцига в Россию и каковы были его научные интересы

Даниил Готтлиб Мессершмидт (Daniel Gottlieb Messerschmidt, 1685—1735) приехал в Россию задолго до того, как в Петербурге Петром I была создана Академия наук, и туда устремились начинающие и амбициозные молодые исследователи. В 1708 г. двадцатитрехлетний Мессершмидт после обучения в университете Йены поступил на медицинский факультет университета в городе Галле, где в 1713 г. защитил диссертацию на тему *De ratione praeside universae medicinae* («О разуме, как главенствующем начале всей медицинской науки») и получил степень доктора медицины. Немецкий ученый-славист Э. Винтер справедливо отмечал, что пребывание в Галле несомненно сказалось на формировании мировоззрения Мессершмидта (E. Winter, 1955, p. 318—321). Напомню, что в это время Галле был центром пиетизма, а основатель системы воспитательных учреждений А. Франке преподавал и в университете Галле. Здесь же у Мессершмидта мог возникнуть и интерес к России, поскольку связи Галле и России в то время были довольно интенсивными. (Winter E., 1955)

С этим университетом были связаны и сыновья врача при русском дворе Л. А. Блюментроста, два москвича, братья Блюментросты. Старший – Иоганн Диодат (1676—1756) приехал в Галле в 1701 г. после обучения в Кенигсберге, а в 1702 г. уже защитил диссертацию и вернулся в Россию, где стал лейб-медиком, управляющим придворной аптекой, а с созданием

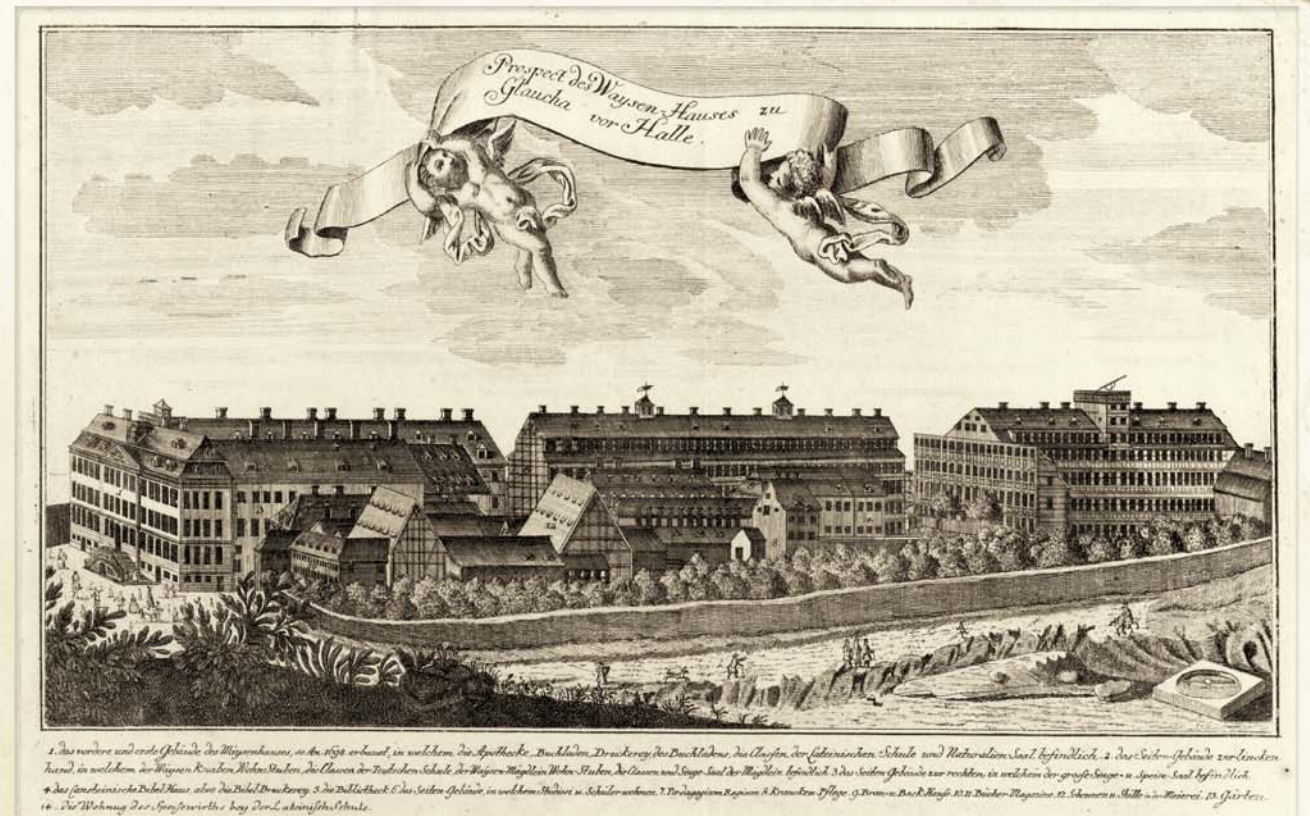

Г. А. Грюндер. Франкеше Штифтунген в Галле. Ок. 1749 г. *Frankesche Stiftungen, Halle, Deutschland (справа вверх)*

Ключевые слова: Д. Г. Мессершмидт, Р. Арескин, И. Д. Блюментрост, Л. Л. Блюментрост, Петр I, Кунсткамера, Академия наук, Китай, Сибирь.

Key words: D. G. Messerschmidt, R. Erskine, L. Blumentrost, Peter the Great, Kunstkamera, Academy of sciences, China, Siberia

© Н. П. Копанева, 2014

Медицинской канцелярии – ее руководителем. Младший брат, Лаврентий Блюментрост (1692—1755), приехал в Галле совсем юным, четырнадцатилетним, в 1706 г. и учился до 1709 г., после чего отправился в Оксфорд, потом в Лейден, где в 1713 г. защитил диссертацию у знаменитого Германа Бургаве. Молодого Л. Л. Блюментроста так же, как и его брата, ждала блестящая карьера: он стал лейб-медиком Петра I, а с созданием в России Академии наук – ее первым президентом. Впоследствии судьба Мессершмидта в России оказалась тесно связана с учреждениями, которыми руководили братья Блюментросты.

С 1708 по 1709 г. Лаврентий Блюментрост и Д. Г. Мессершмидт обучались на одном факультете и, несмотря на разницу в возрасте, скорее всего, были знакомы, потому что учились они у одного профессора – Фридриха Хофмана (Friedrich Hoffmann, 1660—1742), известного немецкого врача, многократно избиравшегося на должность декана медицинского и философского факультетов, а позднее, с 1734 г. – почетного члена Петербургской Академии наук. Мог ли думать тогда Даниэль Готтлиб Мессершмидт, что судьба еще сведет его с этим талантливым студентом в далеком Петербурге при столь неблагоприятных для него обстоятельствах?

Новые знакомые в Данциге

После получения степени доктора медицины Д. Г. Мессершмидт вернулся в Данциг, где работал у Иоганна Филиппа Брейна (Johann Philipp Breune, 1680—1764), сыгравшего определяющую роль в дальнейшей судьбе будущего исследователя Сибири.

И. Ф. Брейн, врач и ботаник, сын Якоба Брейна (1637—1697), известного ученого-натуралиста, сначала учился в Кенигсберге, а потом в университете в Лейдене, получил профессию врача, при этом не оставив своего увлечения ботаническими исследованиями. В 1702—1704 гг. Иоганн Брейн совершил образовательное путешествие по Голландии, побывал в Лондоне и Оксфор-

КОПАНЕВА Наталья Павловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII в. (Музей М. В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург). Научный руководитель и сокоординатор международных программ «Петр Великий и Голландия», «Нарисованный музей» Петербургской Академии наук», «Николаас Витсен. „Северная и Восточная Тартария“»

Вид Данцига.
Гравюра из книги:
*Olearius Adam. Voyages
très curieux & très
renommés faits en
Moscovie, Tartarie et Perse
par le sr. Adam Olearius...:
Divisez en 2 p. / Trad.
de l'original & augm.
par le sr. de Wicquefort...
Amsterdam: [s.n.], 1727.
РНБ*

де, где познакомился с профессором Г. Слоаном (1660—1753); посетил Португалию, Испанию, Италию, Вену, Прагу, Дрезден, Галле, Вольфенбюттель и многие другие города. Во время путешествия И. Ф. Брейн занимался исследованиями, знакомился с коллегами-учеными, вел дневник путешествия и собирал экспонаты для своего естественноисторического музея.

И. Ф. Брейн стал известным практикующим врачом и вместе с Г. Бургаве участвовал в диагностике болезни Петра I. В интересующий нас период Петр пробыл в Данциге несколько месяцев, с января до конца мая 1716 г. Помимо важных политических встреч, в том числе с королем Августом, у русского царя были здесь и личные дела: в апреле он присутствовал на свадьбе своей племянницы Екатерины Иоанновны и герцога Мекленбургского.

В марте 1716 г. И. Ф. Брейн и Г. Бургаве с участием врачей Б. Альбинуса, Й. Бруннера и лейб-медика Р. Арескина подготовили заключение о состоянии здоровья Петра. В сентябре 1717 г. Петр вместе с Р. Арескиным опять посетил Данциг, возвращаясь из второго европейского путешествия, во время которого он лечился в Спа. Таким образом, посещение И. Ф. Брейна было связано с состоянием здоровья царя.

И. Ф. Брейн и Р. Арескин были давними знакомыми еще со времени пребывания их обоих в Лондоне (1702 г.), после чего между ними завязалась переписка. Поэтому знакомство И. Ф. Брейна и Петра I вряд ли можно приписывать только интересу царя к музею данцигского ученого, как это делает автор монографии о Мессершмидте М. Г. Новлянская (Новлянская, 1970, с. 8). Несомненно, что Р. Арескин, как лейб-

медик, обратился к своим давним знакомым врачам И. Ф. Брейну и Г. Бургаве за консультациями по поводу лечения русского царя.

Но и музей сыграл, конечно, свою роль в установлении доверительных отношений между Петром и И. Ф. Брейном. Собрание данцигского врача включало ботанические, зоологические, минералогические коллекции. С ними и работал в эти годы доктор Д. Г. Мессершмидт. В письме к Р. Арескину (ноябрь 1716 г.) он писал: «...я несомненно очень многим обязан знаменитому мужу господину Брейну; пользуясь его просвещенными беседами я <...> получил доступ к исследованию тех богатейших естественнонаучных предметов, которые он сам хранит в своей коллекции, собранной несомненно с большим знанием» (Новлянская, 1970, с. 8). С Арескиным Мессершмидт имел продолжительные беседы, о чем вспоминал: «...во время пребывания твоего [Арескина – Н. К.] в Данциге ты принял меня, неизвестного, в твое просвещенное общество». Встречался Мессершмидт и с Петром. В одном из писем Арескину он напоминал, что денежное обеспечение было обещано ему «перед лицом Е. Ц. В.» (Архив МАЭ. К-III. Оп. 1. Д. 4. Л. 9). Напомню, что в это же время Петр встречался в Пирмонте, где проходил курс лечения, с Г. Лейбницем, который представил русскому царю обширную просветительскую и исследовательскую программу для России.

Из писем Мессершмидта Р. Арескину и документа, выданного ему лейб-медиком, становятся понятны те задачи, которые ставились перед исследователем. Это прежде всего изучение природных ресурсов Российского государства, которое в 1717 г. получило

практическое осуществление: Л. Л. Блюментрост отправился в Олонецкий край для описания Кончезерских минеральных вод, Готлиб Шобер, посланный Петром I по Волге к Каспийскому морю, собрал большой материал по естественной истории, занимался изучением рыб и растений Поволжья. Организацией этих научно-поисковых поездок занималась Аптекарская, а потом Медицинская, канцелярия, во главе которой до 1718 г. стоял Роберт Арескин.

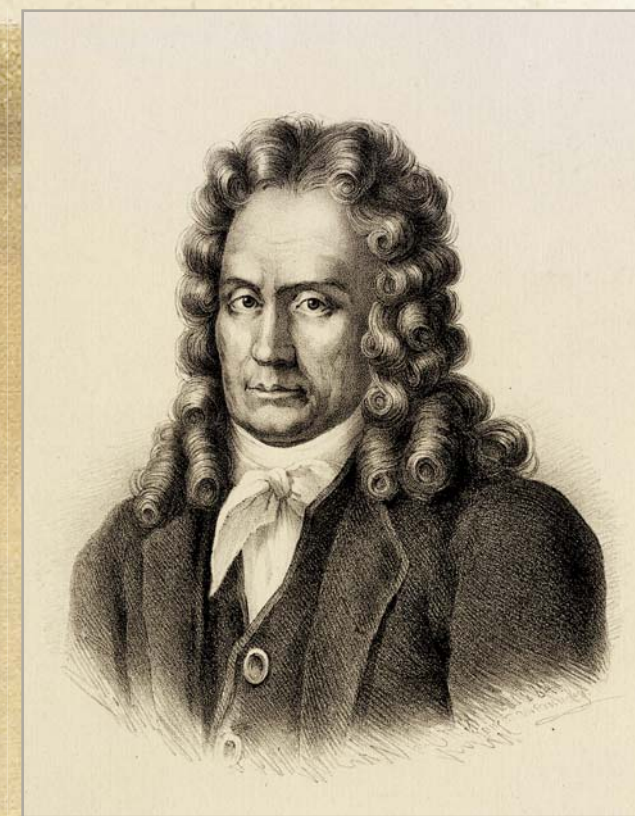
Летом 1716 г. Д. Г. Мессершмидт у себя на родине предпринял ряд естественнонаучных экскурсий: «...эта страна, которую мы населяем, – писал он Арескину, – с обширными горными хребтами, цветущими лугами, широкими полями, лесными чащами, с морскими приливами, извилистыми реками, необыкновенно изобилует как растениями, так и замечательными ископаемыми» (Архив МАЭ. К-III. Оп. 1. Д. 4. Л. 5). Из письма Мессершмидта Р. Арескину (октябрь 1717 г.) можно судить о более конкретных задачах, которые перед ним ставились: «...славнейший муж! Ты

выразил свою волю <...>, чтобы я все свое старание и добросовестность сосредоточил, главным образом, на исследовании естественных богатств, а затем уже на пополнении и сохранении музейных коллекций Е. Ц. В.» (Архив МАЭ. К-III. Оп. 1. Д. 4. Л. 8, 8 об.) То есть, приглашая Мессершмидта в Россию, Арескин планировал привлечь его и к работе с музейным собранием. До этого времени помощником Арескина по разбору и описанию библиотеки и Кунсткамеры был его секретарь И. Д. Шумахер. Однако разрастающиеся естественнонаучные коллекции требовали внимания профессионала, которого и видел Арескин в данцигском ученом, что подтверждается следующими словами Мессершмидта: «согласно условиям <...> ты решил предоставить мне права и законные преимущества заведующего музеями», «библиотека ведь, как я слышал стороной, теперь перейдет в ведение какого-то другого человека» (Архив МАЭ. К-III. Оп. 1. Д. 4. Л. 8 об.), то есть Шумахера. В беседах Арескина с Мессершмидтом речь шла даже о конкретных периодах для разных

Портрет Фридриха Хофмана, врача, доктора медицины, учителя братьев И. Д. и Л. Л. Блюментростов и Д. Г. Мессершмидта. Гравюра И. Г. Вольфганга (1662—1744). Public domain

Лаврентий Лаврентьевич Блюментрост (1692—1755), лейб-медик, первый президент Академии наук и художеств. Литография П. А. Андреева (1815—1862), 1837 г. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885. Т. 1. Вклейка между с. 160—161

Город Тобольск.
Гравюра из книги N. Witsen
«Noord en Oost Tartarya».
Amsterdam, 1705.
Переиздана в книге:
Николаас Витсен.
«Северная и Восточная
Тартария».
Ред. Н. П. Копанева,
Б. Наарден, Амстердам,
2010

СИБИРЬ: ОТ МОСКВЫ ДО НЕРЧИНСКА

Даниил (Даниэль) Готлиб Мессершмидт во время своего путешествия по Сибири объехал обширные территории. Его путь пролегал из Москвы (5 сентября 1719 г.) до Коломны, по Оке до Нижнего Новгорода, по Волге до Казани, оттуда на санях через Хлынов, Соликамск, Туринск, Тюмень в Тобольск. В Тобольске он находился с 24 декабря 1719 г. по 1 марта 1721 г. Далее через Тару отправился в Томск (с 1 марта по 30 марта), где пробыл до 5 июля. 30 июля экспедиция Мессершмидта была уже в Кузнецке, а с 9 августа на лошадях, а потом двух каюках добирались до Абаканского острога, где путешественники прожили 5 месяцев, до 16 февраля 1722 г. 24 февраля Мессершмидт был в Красноярске, откуда отправился в Ачинский острог (прибыл 20 июня). 17 сентября он въезжал в Абаканский острог, а 5 октября прибыл уже в Красноярск, где провел всю зиму до 8 мая 1723 г. Дальнейший путь лежал по Енисею до Енисейска и на Мангазею, куда Мессершмидт приехал 16 июня. Чтобы добраться до Иркутска, ученый на дощанике и двух каюках плыл по Нижней Тунгуске до Лены. Потом, поменяв лодки на сани, 19 декабря экспедиция прибыла в Иркутск. В Иркутске сложился план дальнейших исследований: отправились в Удинск (29 февраля 1724 г.), Селенгинск (прибыли 13 марта 1724 г.), потом опять Удинск (23 марта). 10 дней в Селенгинске Д. Г. Мессершмидт провел вместе с Л. Лангом и его спутниками, которые возвращались из Китая, куда так стремился Мессершмидт. Дождавшись схода льда на Уде и Селенге, путешественники отправились в Читинский острог (прибыли 24 июня 1725 г.), а оттуда в Нерчинск (прибыли 22 июля 1725 г.) В Нерчинске Мессершмидт получил письмо от И. Д. Блюментроста с требованием скорейшего возвращения в Петербург. Обратный путь лежал через Читинский острог, Удинск, Иркутск, Енисейск, где встретился с В. Берингом и М. Шпанбергом, а оттуда – в Тобольск через Нарым, Самаров Ям.

В Тобольск Мессершмидт прибыл 27 февраля 1726 г. 22 марта с опечатанными ящиками и с двумя конвойными солдатами ученый выехал в Москву через Тюмень, Туринск, Верхотурье, Соликамск, Хлынов, Нижний Новгород, Муром и Владимир. 31 января 1727 г. Д. Г. Мессершмидт прибыл в Москву, а 27 марта въехал в Петербург. В России к тому времени начал действовать научный центр – Академия наук и художеств. Поэтому привезенные Мессершмидтом коллекции описания должны были поступить в Академию наук, то есть в Кунсткамеру, бывшую в то время уже при Академии. По приезду Мессершмидта весь его груз был опечатан по приказу президента Медицинской канцелярии И. Д. Блюментроста. Поводом послужил тот факт, что привезенные вещи Мессершмидт сложил у себя дома, а не сдал в Медицинскую канцелярию. Собранные ученым коллекции, среди которых были и его собственные, было предписано отправить для обследования в Академию наук, где для этого была создана специальная комиссия, в которую вошли сам Д. Г. Мессершмидт, академические служащие и профессора: И. Д. Шумахер, Г. З. Байер, Ж.-Н. Делиль, И. Буксбаум, от Медицинской канцелярии Геннингер. Секретарем комиссии был назначен молодой Г. Ф. Миллер. Высоко оценив значение собранных коллекций, комиссия постановила передать их в Академию наук. Что касается вещей, приобретенных Мессершмидтом для себя, то ему были возвращены только те, которые, по мнению комиссии, «оказались лишними» для академических собраний. В 1728 г. Мессершмидт покинул Россию. Коллекции, которые он вез с собой, затонули при кораблекрушении. Прожив в Данциге два года, в сентябре 1731 г. ученый вернулся в Петербург, где жил в бедности, поддерживаемый лишь милостью доброжелательно настроенных к нему людей.

Описывая эти находки, Страленберг отмечал: «...идолы из бронзы, красной и желтой меди, олова, серебра и золота найдены тысячами в сибирских и древних татарских могилах, или *tumulis sepulcralibus*; если бы мне, во время моего пребывания в России, не пришлось столько заниматься географической работой, то я мог бы изобразить на бумаге сотни таких идолов. На таблице III можно найти несколько таких изображений. Идол А был сделан из красной меди, В с бубенчиком тоже, С из желтой меди, D украшение лошадиной уздечки» (Радлов, 1891. С. 30)

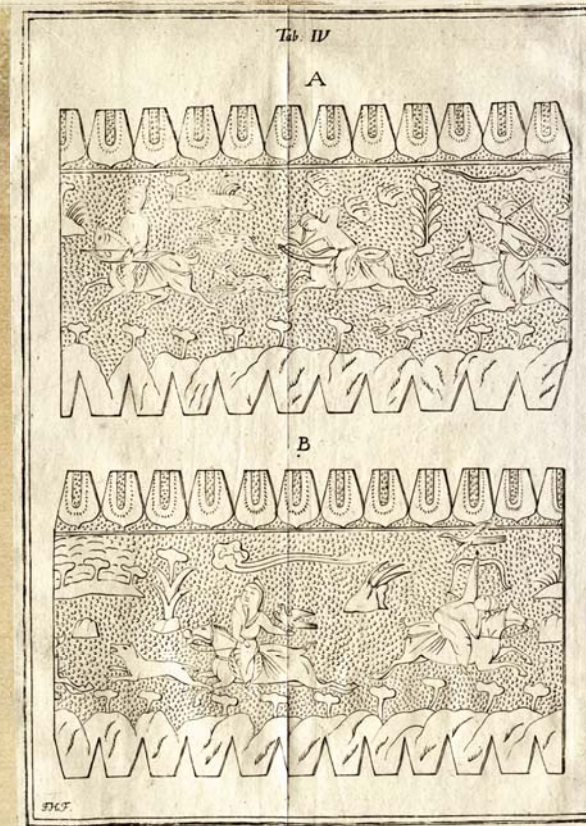

Медные фигурки и украшения конской упряжи, в том числе фалар с изображением головы Геракла и сосуд. Гравюра Ф. Х. Фриша из книги Ф. И. Страленберга «Das Nord- und Östliche Theil von Eurora und Asia...» (Северная и Восточная части Европы и Азии). Stockholm, 1730. Гравюры выполнены по рисункам, сделанным во время путешествия Страленберга с Д. Г. Мессершмидтом. У Мессершмидта эти рис. см. в СПФ АРАН. Ф. 98. Оп. 1. Д. 22: А – л. 363; В и С – л. 362; D – л. 371; E – л. 380.

видов работ: зимнее время – работа с коллекциями, в летнее время – экспедиционная, в том числе изучение полезных ископаемых. Арескин мог обсуждать все эти проблемы со знанием дела: он и сам имел коллекцию редкостей и занимался «полевой» работой по сбору растений.

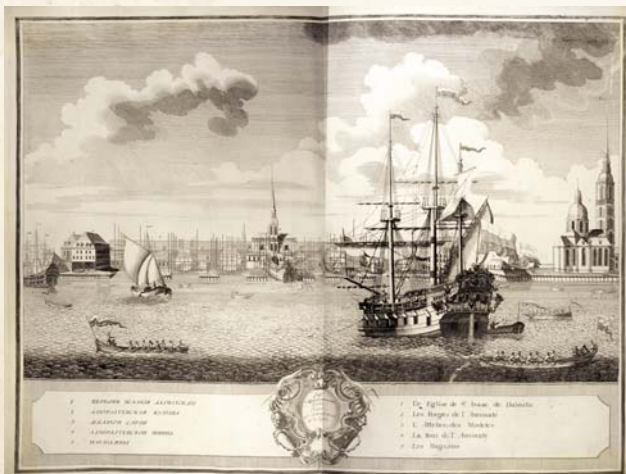
Видимо, путешествие по Сибири задумывалось уже

Изображение охотничьей сцены с сосуда (слева). Сосуд найден около г. Красноярск. Возможно, это тот «кубок», о котором есть запись в дневнике экспедиции от 19 февраля 1722 г.: «приехали в Караульный или Верхний острог, от которого до предыдущей деревни 4 новых версты. Острог стоит на левой стороне Енисея. Здесь мы переночевали, и доктор купил несколько медных вещей из могил; здесь же он нашел очень старый серебряный кубок, который он приказал зарисовать. Кубок он с удовольствием купил бы, но владелец отсутствовал; к тому же доктору сказали, что кубок отдан в церковь; доктор велел передать через церковного сторожа владельцу, чтобы тот приехал к нему с кубком в Красноярск, и он даст за кубок настоящую справедливую цену. Чтобы закончить зарисовку, мы остались в остроге до следующего дня». Архив МАЭ РАН. К-III. Оп. 1. Д. 8. Перевод с нем. Е. В. Лавровой-Болдыревой

ИЗ ДНЕВНИКА ЭКСПЕДИЦИИ:

«[1722 г.] 24 января. Среда. Ветер утром южный с уклоном к западу, пасмурно и при этом сильный ветер. Доктор отправил сегодня капитана Табберта, Карла Шульмана и Петра [Кратца] с проводником на реку Тесь, где находится каменный идол, чтобы они его осмотрели. Они выехали верхом в 8 часов утра из острога, перебрались на другую сторону реки Енисей и проехали вдоль Енисея версты две. Свернув затем несколько в сторону в степь, поехали в юго-западном направлении до 12 часов дня, потом повернули к западу и в 2 часа пополудни достигли того места, где были могильники. Посредине могил, расположенных вокруг него кольцом, стоял камень приблизительно в 1½ верстах на другой стороне реки Тесь, которую они переехали второй раз в 1 час пополудни. Карл Шульман сошел с лошади и тут же принялся зарисовывать камень, представлявший собою фигуру старика с усами; на его спине, обращенной к западу, были какие-то буквы, но они большею частью стерлись. Рисунок занял у Карла около 3½ часов».
(Архив МАЭ РАН. К-III. Оп. 1. Д. 8. Перевод с нем. Е. В. Лавровой-Болдыревой)

Вид Адмиралтейства от реки Невы. Гравюра О. Эллигера с оригинального рисунка Х. Марселиуса. 1729 г.

в это время, так как в письме, датированном серединой октября 1717 г., Мессершмидт оговаривает принятие особых мер, таких как обеспечение безопасности на дорогах и выдачу ему аванса для приобретения одежды, «приспособленной и для холодной погоды, и для дальнего путешествия».

В Петербург

В «подорожной», выданной Арескиным Мессершмидту для его поездки в Россию, указывалось: «После того как мы узнали об эрудиции и опытности, какими обладает благороднейший и ученейший доктор Мессершмидт, указом Е. Ц. В. было предписано пригласить на его службу доктора Мессершмидта для всех работ, какие только соответствуют его профессии, в первую же очередь для исследования скрытых богатств и сил природы великого Российского государства» (Архив МАЭ. К-III. Оп. 1. Д. 4. Л. 7). В той же «подорожной» устанавливалось жалованье Мессершмидта в 500 руб. из средств Медицинской канцелярии, начиная с 1 января 1718 г.

В счет будущего жалованья в декабре 1717 г. Мессершмидту был отправлен вексель на 100 руб. 19 февраля 1718 г. ученый прибыл в Ригу, 9 апреля – в Петербург. Чем он занимался до своего отъезда в сибирское путешествие, пока неизвестно. Есть его краткая запись о том, что в июле вместе с флотом он был на мысе Гангут (Новлянская 1970, с. 9). Судя по письму Д. Г. Мессершмидта И. Д. Блюментросту, в котором он со знанием дела перечислял последствия ранений: ранения в живот и искусство излечения кишек, прижигание швов черепа и т. п. (СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7. Л. 5), можно предположить, что он был там в качестве врача и лечил

раненых.

В конце 1718 г. в медицинском ведомстве произошли перемены: скончался Роберт Арескин, лейб-медиком Петра стал Лаврентий Блюментрост, а Медицинскую канцелярию возглавил его брат Иоганн Диодат. В ведение Лаврентия Лаврентьевича были переданы царская библиотека и Кунсткамера. Так, уже 27 декабря 1718 г. Л.Л. Блюментрост выступает как человек, которому

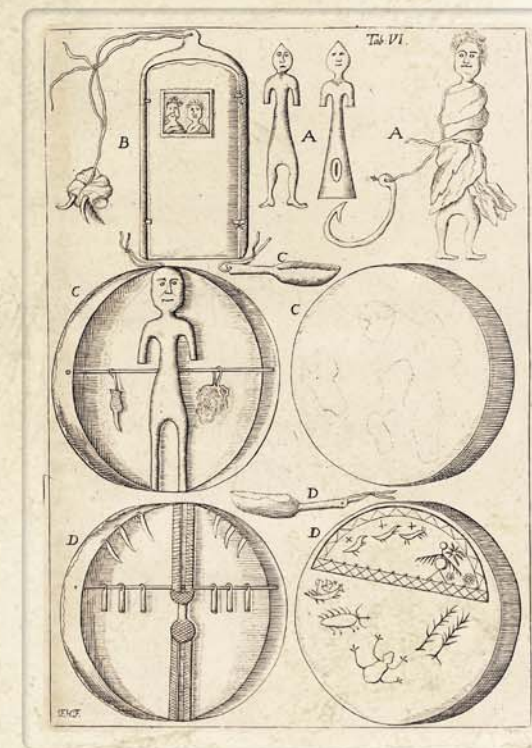
ИЗ ДНЕВНИКА ЭКСПЕДИЦИИ

В дневнике экспедиции есть запись, сделанная в марте о том, как «шаманствуют» с использованием бубна «Мы выехали <...> в час пополудни, и наша дорога теперь шла в восточном и юго-восточном направлениях, и к 5 часам мы доехали до Аргалу-юрта, местопребывания старшины или князя Чой волости; <...> в этом юрте мы нашли хорошую воду из маленького озера, находившегося неподалеку. Через некоторое время после нашего приезда к нам подошел человек и предложил нам шаманствовать или гадать; доктор приказал его впустить. У него с собой был шаман или барабан, к которому наглухо приделан деревянный шайтан, одетый во всякие лоскутки. Прежде чем начать показывать свое искусство, он потребовал трубку табаку; покурив, он начал водить своей шаманской ложкой (или барабанной палочкой) по барабану, точно он смазывал его жиром, причем он тихо, медленно что-то бормотал и ворчал, а левой рукой держал приделанного к барабану шайтана. В промежутке он спросил доктора, что тот хочет знать. На это последовал ответ: пусть скажет, куда доктор едет, и что он еще про него знает. После этого человек стал все сильнее бить по барабану ложкой и при том кричал все громче и громче; подпрыгивал, скакал кругом комнаты, как сумасшедший, схватывал рукой горячую золу, которая лежала в очаге, и вообще сильно кривлялся. После того, как он это все проделал в течение четверти часа, он внезапно остановился, устремив глаза кверху, и простоял довольно долго, не двигаясь; затем он начал говорить почти нареспев, [что] доктор оставил дома 4-х детей, из которых один умер, еще, что доктор пробудет в Сибири 7 лет, что у него захромает одна лошадь, прежде чем мы доедем до Томска; в общем итоге этот гусь наврал нам с три короба, и видно было, что все предсказания и гадания сущий вздор. Мы его спросили, о чем он так кричал и кого звал. Он отвечал, [что] сначала он призывал великого бога, потом он немного помолится также сатане или сайтану (Saitan), чтобы тот ему что-нибудь открыл. Мы спросили, где живет бог. Ответ: на небе, и он имеет человеческий образ; вокруг него одни белые лошади, и он сидит на золотом стуле, который блестит, как солнце; а сатана – его слуга, и бог его посылает то туда, то сюда, то на землю, то в воду, то в воздух и т. п. Мы спросили, что с ними бывает, когда они умирают. Ответ:

все те, которые умирают насильственной смертью, как например жертвы убийства, застреленные, растерзанные медведями и т. д., идут на небо к богу; остальных берет себе сатана; как и когда они от него избавляются, он не знает, но кто вел плохую жизнь, тот должен у него остаться навсегда, и он с ними обращается очень плохо: некоторых он бьет палкой, другим еще что-нибудь делает. Он сказал, что у каждого человека здесь есть свой собственный бог: у богатого и кроткого человека – богатый и кроткий бог, у плохого и бедного человека – плохой и бедный бог; поэтому бедные люди должны служить богатым. Он сказал также, что над тем небом, которое нам видно есть еще другое небо, где живет настоящий бог. Нам хотелось бы еще расспросить этого человека, но наши переводчики замолчали и сказали, что он устал».
(Архив МАЭ РАН. К-III. Оп. 1. Д. 8. Перевод с нем. Е. В. Лавровой-Болдыревой)

Каменное изваяние. В конце XIX в. перевезено в Минусинск, где хранится в Краеведческом музее. Гравюра Ф. Х. Фриша из книги Ф. И. Страленберга «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia...» (Северная и Восточная части Европы и Азии). Stockholm, 1730. По рисунку Карла Шульмана, выполненному 24 января 1722 г.

Изображения бубнов и медных «идолов». Гравюра Ф. Х. Фриша из книги Ф. И. Страленберга «Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia...» (Северная и Восточная части Европы и Азии). Stockholm, 1730. Об этих изображениях Страленберг в книге написал: «На таблице VI видны <...> бубны и божки, найденные у Барабинских татар, которые одной веры с остяками» (Радлов, 1891. С. 28)

Вид Москвы.
Гравюра из книги
А. Олеария «Voyages très
curieux & très renommez
faits en Moscovie, Tartarie
et Perse par le sr. Adam
Olearius...»: Divisez en 2 p.
/ Trad. de l'original & augm.
par le sr. de Wicquefort...
Amsterdam : [s. n.], 1727.
Российская национальная
библиотека

вверены библиотека и Кунсткамера, и в доношении Петру I сообщает об их служителях и о необходимых припасах для их нужд (СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–6 об.) Видимо, речь о заведовании Мессершмидтом музея уже не шла. Основной его задачей становится поездка в Сибирь.

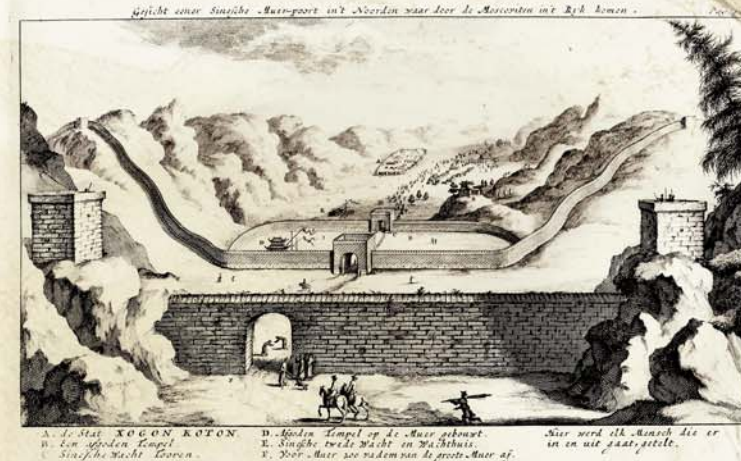
Москва и ... новые перспективы?

1 марта 1719 г. Мессершмидт на шести подводах с двумя слугами и двумя денщиками отправился в Москву, куда прибыл 21 марта. Период пребывания Мессершмидта в Москве интересен не только деталями его подготовки к исследовательским работам в Сибири, но и стремлением изменить маршрут своего путешествия: вместо Сибири он хочет отправиться в Китай вместе с посольством Льва Васильевича Измайлова, который был послан туда для заключения торгового договора. В свите посланника был и Лоренц Ланг, к которому и хотел присоединиться Д. Г. Мессершмидт. В этом отношении примечательна переписка Мессершмидта с братьями Блюментростами и И. Д. Шумахером, в то время секретарем Медицинской канцелярии и библиотекарем царя.

Интерес Д. Г. Мессершмидта к Китаю и его стремление воспользоваться вдруг появившейся возможностью понятны. Европейские мыслители проявляли огромный интерес к этой стране, вели переписку с христианскими миссионерами в Китае. Для Д. Г. Мессершмидта поездка в Поднебесную, несомненно, стала бы взлетом ученой карьеры в Европе, поэтому он приложил все силы и попытался использовать все имеющиеся у него возможности, чтобы получить разрешение отправиться

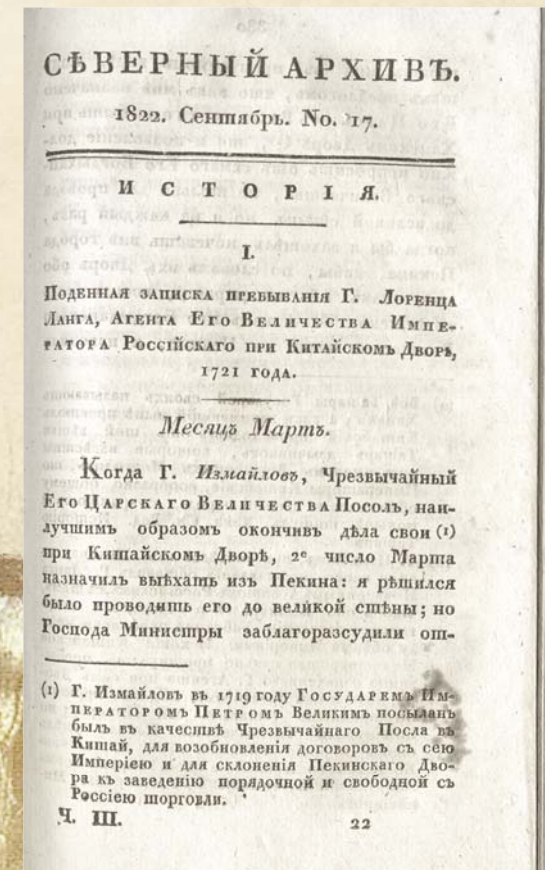
с посольством Л. В. Измайлова в Китай. Видимо, с Л. Лангом Мессершмидт познакомился в Петербурге. Уже 23 марта 1719 г., когда Ланг еще был в столице, Мессершмидт написал из Москвы своему непосредственному руководителю И. Д. Блюментросту: «...прошу Вашего высокомилоостивого приказания и сообщения о том, не разрешено ли бы мне было в дальнейшем отправиться в путь до Тобольска в обществе господина резидента Л. Ланге. Если бы г. архиатр при испрошении у Е. И. В. высокомилоостивого повеления исходатайствовал бы мне разрешение на проезд до самого Китая, то я рассматривал бы Ваше всемилоостивое посредничество к осуществлению этого любопытнейшего путешествия как проявление особого участия к моей судьбе, так как я не могу надеяться на то, что мне представится еще другой такой же случай» (Архив МАЭ РАН. Ф. К-III. Оп. 1. Д. 9. Л. 221). 2 апреля Мессершмидт отправил письмо И. Д. Шумахеру, «библиотекарю на службе Е. И. В.», в котором писал: «Я только что возбудил ходатайство относительно путешествия в Китай, и от усмотрения г. президента [Медицинской коллегии И. Блюментроста – Н. К.] будет зависеть разрешение этого вопроса. Я надеюсь на Вас ...» (там же. Л. 223). В ответном письме Шумахер не особенно обнадеживал Мессершмидта: присоединение к участнику посольства Л. Лангу возможно, если тому потребуются врач, но «тем не менее, и здесь, как и всегда, дело будет продвигаться довольно туго». (Там же. Л. 224) В июне Мессершмидт вновь обращается к И. Д. Блюментросту, но уже с предлагаемой конкретной программой своей деятельности в Китае: «Вы оказали бы мне особую милость, если бы помогли мне проехать далее из Тобольска в Китай, так как я не сомневаюсь, что это предоставило бы ряд возможностей к получению сведений

Лоренц Ланг, швед по происхождению, был на службе у Петра I с 1712 г., и шесть раз ездил с дипломатическими миссиями в Китай. В 1719 г. в чине секретаря он был отправлен в Китай при посольстве Л. В. Измайлова; оставался там до 1722 г. со званием резидента и после отъезда из Пекина Измайлова, безуспешно стремясь заключить торговый договор. С 1739 г. вице-губернатор в Иркутске. Ланг оставил записки о своих путешествиях

Вид одних из Китайских Ворот на Севере, через которые Московиты въезжают в Империю.
Гравюра из книги N. Witsen «Noord en Oost Tartarya». Amsterdam, 1705.
Переиздана в книге: Николаас Витсен «Северная и Восточная Тартария». Ред. Н. П. Копанева, Б. Наарден, Амстердам, 2010

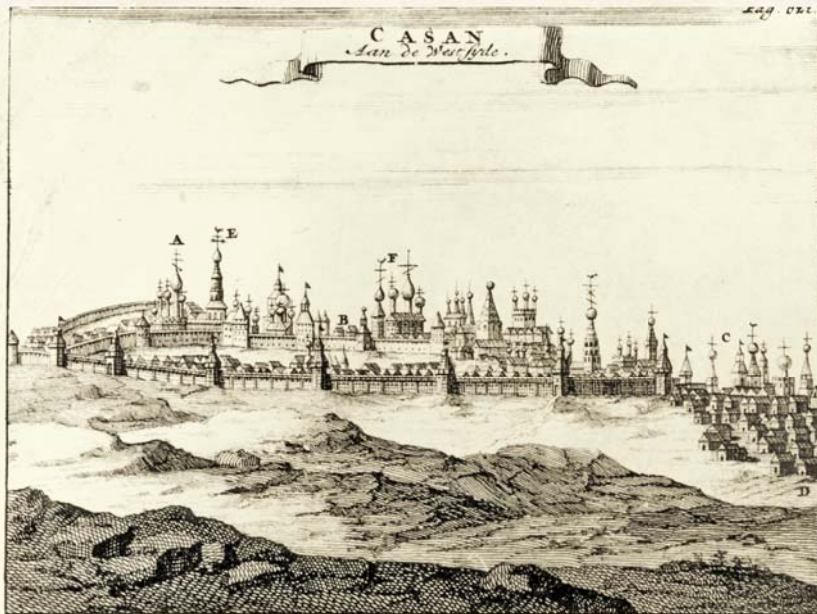
Страница из Дневника путешествия Л. Ланга «Journal du sieur Lange, contenant les négociations à la cour de la Chine en 1721 et 1722», в которое так стремился Д. Г. Мессершмидт. Издан в Лейдене в 1726 г. На русском языке опубликован в журнале «Северный архив» (1822. № 17)

Компас-солнечные часы.
Были привезены в Кунсткамеру из Китая в 1754 г. наследником Иркутского вице-губернатора Л. Ланга.
© МАЭ РАН

Инструмент для прижигания ран из Кабинета Петра Великого. Западная Европа. Конец XVII – начало XVIII в. Государственный Эрмитаж

De kerk en hof van den Metropolit. B. Des Gouverneurs huys. C. De Stadt der Tartaren, die met heute muuren en staken is omheyn, daar een hof in is, in wache huys van Seremisten, ook Kerken, steet aan de rivierken Bolak. D. Voorsteat. E. Hoofdkerk F. Een kerk.

1. Hier liggen stets veel Schepen. 2. Water molen die door de Vliet Casan ge-dreven wort.

Вверху: Казань с западной стороны. А. Церковь и двор Митрополита. В. Дом Губернатора [Правителя]. С. Тартарский город, окруженный деревянной стеной и кольями, в нем есть двор и дозорная башня, а также церкви, он граничит с маленькой речкой Болак. Д. Пригород. Е. Главная церковь. Ф. Церковь.

Внизу: Казань с северной стороны.

1. Здесь всегда много кораблей.
2. Водяная мельница на реке Казань.

Гравюра из книги N. Witsen «Noord en Oost Tartarya». Amsterdam, 1705.

Переиздана в книге: Николаас Витсен «Северная и Восточная Тартария». Ред. Н. П. Копанева, Б. Наарден, Амстердам, 2010

водства стекла и украшений в опра- веве, легко поддающихся подделке; в особенности же изучения местных растений в отношении того, нельзя ли их выращивать в наших сопредельных землях и т. п.» (там же. Л. 225). И. Д. Блюментрост готов был согласиться на предложение Мессершмидта, 16 июня он отвечал: «Если бы направление Вашего путешествия зависело только от меня, я бы уже давно разрешил вопрос в соответствии с Вашими пожеланиями и намерениями. Но, тем не менее, я приложу все старания к тому, чтобы дело приняло для Вас благоприятный оборот, в особенности, если мне удастся достичь того, чтобы Вам было дозволено предпринять путешествие до Китая, от которого, как Вы предполагаете, можно ожидать не только естественнонаучных достопримечательностей, но и вообще много интересного» (там же. Л. 226). И. Д. Шумахер сообщил Д. Г. Мессершмидту, что руководи-

тель Медицинской канцелярии написал своему брату Лаврентию Лаврентьевичу Блюментросту, который находился при царе, чтобы тот «испросил от Е. В. повеление, в силу которого Вы могли бы отправиться в Пекин вместе с посольством». При этом Шумахер добавил: «Убедительность его аргументов достаточно сильна, и я полагаю, что они будут иметь успех, с чем я заранее от всего сердца поздравляю Вас» (там же. Л. 227). Однако Мессершмидт был настойчив и сам обратился к лейб-медику царя и своему бывшему соученику в университете в Галле с просьбой помочь ему отправиться в Китай.

Несбывшиеся мечты

Не получив ответа, 5 сентября 1719 г. Мессершмидт вместе с посольством Л. Измайлова выехал из Москвы. Уже из Казани в письме Шумахеру он кратко напишет о впечатлениях от поездки: «С начала сентября, когда мы выехали из Москвы, и до 19 октября мы находились на воде, не останавливаясь нигде, к чему мы были вынуждены, главным образом, в силу низкого уровня воды в реках в это время года, а также и большим количеством песчаных отмелей. О том, как мы проводили наши досуги на стругах, Вы узнаете из писем Ланге и г. Гравена. Так как приходилось быть постоянно вместе на стругах, то для меня самое приятное было коротать время в беседах. Иначе этот путь превратился бы в одно только томительное ожидание. Отсюда мы должны будем выехать по первому снегу на санях, так как дальше ехать по воде невозможно, если мы не хотим замерзнуть вместе со своим экипажем». (СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7, Л. 31–32; на нем. яз.). И, не теряя надежды, опять напоминает о своем желании отправиться в Китай.

Об окончательном решении Петра I Мессершмидт узнал лишь в Тобольске. 24 декабря 1719 г. он получил письмо от И. Д. Блюментроста, написанное 24 сентября 1719 г.: «Я вновь докладывал Е. И. В. по вопросу о Вашем путешествии в Китай и получил опять отрицательный ответ, так как он признает гораздо более существенным изучать природу своего собственного государства, чем производить исследования в чужой стране. Так что Вам, высокочтимый доктор, надлежит придерживаться первоначального повеления. Все, что Вы нашли достойного внимания из царства животного, растительного или минерального во время Вашего путешествия до Казани, а оттуда – в Сибирь, следует тщательно записать и при случае переслать сюда. В особенности все то, что касается корней и лечебных трав, для того, чтобы доказать Е. И. В., что Ваше путешествие и производящиеся на него расходы не были напрасны» (Архив МАЭ РАН. Ф. К-III. Оп. 1. Д. 9. Л. 230). Мессершмидт не сразу ответил на это письмо. Причину задержки с ответом он объяснил И. Блюментросту так: «Впечатление, произведенное на меня недавно

присланным новым указом, касающимся моего дальнейшего путешествия, не располагало меня к писанию». Тяжелое состояние, в котором пребывал исследователь, чувствуется и в несвойственном ему беглом отчете о более чем полугодовом периоде его путешествия, отправленном И. Д. Блюментросту: «Вам известно, что путешествие из Москвы, которое я совершил в свите господина посла Измайлова, по скорости передвижения зависело от следования самого посольства; кроме того, оно происходило в самом конце осени, а вскоре наступила зима, и все покрылось снегом и льдом, так что не было благоприятных условий для производства наблюдений. Все же из прилагаемых описаний В. В. сможет ознакомиться с теми записями, которые касаются как самого путешествия, так и некоторых других мелочей. Прибыв в начале этого года в Тобольск я, как иностранец, не был в состоянии хорошо ознакомиться с здешними местами. Во время своего путешествия я не мог также отмечать и то, чем отличается один округ от другого как в отношении качества почвы, так и по характеру находящихся в них достопримечательностей, а потому я не утруждал В. В. сообщениями о своих беглых наблюдениях, полученных во время имевших место от времени до времени остановок» (Архив МАЭ РАН. Ф. К-III. Оп. 1. Д. 9.)

Так, с тяжелым сердцем, обидой и с несбывшимися мечтами начал сибирское путешествие доктор Мессершмидт. Неизвестно, кем бы остался и остался ли бы он в истории науки и истории России, если бы его горячая просьба об оставлении в свите посла Л. Измайлова была удовлетворена. Тяжелое же исследовательское путешествие по Сибири талантливого ученого, обладавшего несомненным настойчивым характером борца, несмотря на «личные ограниченные силы, при слабой физической конституции», как писал о себе сам Мессершмидт, положило начало многим направлениям естественнонаучного и гуманитарного знания о Сибири.

Литература

- Напольских В. В. Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726. Ижевск, 2001.
- Новлянская М. Г. Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л., 1970.
- Радлов В. В. Сибирские древности. СПб., 1891. Т. 1. Вып. 2. (Материалы по археологии России. Вып. 5).
- Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibirien 1720–1727. Tagebuchaufzeichnungen. Hrsg. von E. Winter und N. A. Figurovskij. Berlin, 1962–1977.
- Winter Ed. Halle als Ausgangspunkt der deutschen Rußlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953.

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре»

о различных достопримечательностях и к производству наблюдений над недостаточно еще исследованными вопросами как в области науки, так и в области практической медицины Китая, в частности – <...> ранений в живот и искусству излечения кишек, прижиганию швов черепа и т. п.; для изучения барометров, термометров и гидрометров, отдельных работ по гидростатике и изучения лечебных вод, минералов и различных ископаемых; магнитных отклонений, имеющих место в этих районах, полотна из асбеста, или несгораемой ткани, и его производства; птиц и рыб, рожденных в неволе из зародышей; различных механических приспособлений; произ-